

Сергей Монастырский

Дорогая Муха

18+

Сергей Семенович Монастырский

Дорогая муха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67940214

SelfPub; 2022

Аннотация

Обычная бурная занятая жизнь. И вдруг она внезапно остановилась. Затихли телефоны, растворились куда-то приятели, знакомые. Они не растворились, просто ушли вперед, и их уже почти не видно. Из окна больничной палаты видна пустота. И в этой пустоте где-то далеко живет дочь, которую Дмитрий Павлович давно не видел. И очень давно, может быть никогда, не разговаривал с ней о чем-то важном, главном для себя. И он начал писать ей письма, которые не отправлял.

Сергей Монастырский

Дорогая муха

Дочь свою, Настю, Дмитрий Павлович не видел давно. Лет, наверное, двенадцать.

Как уехала после свадьбы к мужу, в Хабаровск, так с тех пор ни разу и не приезжала. Сначала беременела два раза, да все неудачно, потом просто не приезжала.

– Пап, – объясняла она по телефону, – ну далеко же до вас, дорого! Мы за эти деньги с Сашей (Саша – это муж) на китайский курорт в отпуск съездим.

Да, был не далеко от Хабаровска на китайском островке, куда было пять часов на круизном Лайнере, молодежный курорт, с пляжами, отелями, дискобарами, все, зачем люди за границу едут.

– Дим, ну что ты обижаешься, – утешала жена, – отпуск у них один, и чего им к нам в глушь ехать?у, правда, не такая уж глушь, жили они в областном городе, хотя, ну да, по сравнению с Китаем это была глушь!

– Понимаешь, Валентина, – пытался возразить Дмитрий Павлович, – она не в глушь едет, а к родителям!

... Валентина была на стороне дочери.

– Родителями мы для Насти были в детстве! А сейчас у нее свой мир – муж, ее город, ее судьба, нас в ее мире уже нет!

– Неправильно это! – упорствовал Дмитрий Павлович.

... У него была замечательная юность. И в юности этой было две точки приложения сил, это работа и дочь Настя.

Работа была тем редким случаем, когда он занимался любимым делом, творчеством, потому что он был архитектором. Настя была тем человеком, в которого он хотел вложить все что любил в своей жизни: что знал, о чем хотел поговорить, как с другом.

Потому что друзей у него не было. Не сложилось. Были коллеги, приятели. Но не друзья. В душу не лезли, но и в свою не пускали.

А Настя была открытая, распахнутая, своя.

– Пап, нам задали сочинение о том, как один человек проявил героизм – увидел двух тонущих детей и бросился их спасать.

– Спас?

– Нет, утонул, но проявил мужество. А ты бы так мог?

– Нет.

– Почему?

– Плавать не умею.

– Значит, не бросился бы даже попытаться спасти?!

– Понимаешь, Настя, дело не в том, чтобы совершить подвиг, а в том, чтобы спасти. Если знаешь, что не спасешь, не чего и пытаться. Вместо двух утонувших, будет трое.

– А нам учительница сказала, что надо проявить мужество.

– Я советую тебе не писать это сочинение.

Сочинение она не написала.

Дмитрия вызвали в школу.

– Вы чему учите дочь? – гневно вопрошала учительница.

– А вы плавать умеете? – спросил Дмитрий.

– Я... нет! – замешкалась учительница.

– И нырнули бы?

Больше его в школу не вызывали.

Объяснять и рассказывать, про все на свете было для Дмитрия делом увлекательным.

Например, о том, что заниматься нужно только тем делом, которое для людей полезно.

Скажем, не нужно тратить полжизни, делая опыты по выращиванию арбузов в Подмоскowie, когда без всяких опытов они вырастают в огромных количествах в более южных районах.

Настя схватывала его слова, как открытие и удивлялась, как она сама не догадалась до сих пор об этом.

Да, Настя действительно понимала его настроение, его слова, даже если понятия, о которых они говорили, были ей не очень ясны.

Валентина ревновала, конечно, но что делать: это была их общая дочь. К тому же, на исходе пятнадцати лет, Настя без обиняков заявила:

– Мам, я тебя очень люблю, но с папой мне интересней!

Дмитрий только развел руками, но когда мама в слезах

ушла, погладил Настю по голове и поцеловал в макушку.

... Вторым, если не первым делом всю жизнь была работа. Еще в институте он участвовал во многих конкурсах по проектированию новых застроек, сколотил целую студенческую команду, которая получала гранты по разработке интересных проектов, и вышла на всероссийский уровень. И был отмечен многими наградами и даже премиями. Поэтому когда мэр одного из областных городов, друживший с ректором института, попросил того подсказать кандидатуру главного архитектора, тот смело порекомендовал Дмитрия.

Должность была номенклатурная, Дмитрию дали квартиру, он с ходу влюбился в веселую и кудрявую Валентину.

Через пару-тройку лет угар молодости прошел, туман развеялся, и оказалось, что все его труды остались лежать стопками бумаг на столе кабинета.

Нет, проекты были великолепные, их слушанья проходили, чуть ли не под аплодисменты, выходили решения и постановления. Но денег на их существование не было.

Через пять лет Дмитрий Павлович – а по отчеству к нему обращались не из-за возраста, а из-за статуса – из номенклатурных начальников уволился.

... Это был прекрасный год. Дмитрий впервые услышал, как шелестит ветер зелеными листьями в парке, как играют дети, катаясь на самокатах по асфальтовым дорожкам дворов, как поют птицы на солнечной лесной полянке.

Он купил подержанную, но вполне приличную машину.

Всей семьей они ездили в лес на машине, гуляли вечерами по расцвеченным цветной рекламой улицам.

Тогда-то он и обратил внимание, что Настя уже не ребенок, с ней интересно разговаривать, обратил впервые внимание, что Валентина не такая уже кудрявая и веселая. Куда-то все делось, а то, что осталось, было уже не таким уж интересным. Обычным.

Удивился, конечно, но сильно не расстроился. Все-таки они были одной семьей.

Впервые он понял, что жить можно интересно и без работы, без какой-либо службы. Просто жить и этой жизнью наслаждаться!

Хорошее было время.

Но голова работала, мешала просто жить, да и деньги кончились.

Конечно, за годы работы он был знаком с руководителями всех проектных институтов, архитекторами города, со всеми застройщиками.

И ему ничего не стоило за несколько месяцев учредить частное конструкторское бюро и получить первый заказ от застройщиков и проектных институтов.

Деньги платили. Заказы давали. Но и это была просто работа.

– Что это? – рассматривал застройщик эскиз фасада.

– Элементы лепнины.

– Сколько? – спрашивал застройщик.

- Что сколько?
- Сколько стоит?
- Наш проект?
- Нет, лепнина!

Дмитрий Павлович называл.

– Да, вы что тут, обалдели?! Это же три квартиры даром отдать!

... Через год Дмитрий Павлович привык, что выдрючиться не надо. И работа превратилась просто в работу.

***

... Годы шли.

Настала очередная осень в его жизни.

За окном моросил холодный дождь, и прилипшие к стеклу мокрые листья раздражали и мешали смотреть на блестящую от дождя улицу.

Неделю назад он, наконец, выписался из больницы после обширного инфаркта. Ему вставили электрокардиостимулятор и приказали долго жить. Если сможет. И присвоили инвалидность.

Валентина гремела на кухне кастрюлями и это тоже раздражало. Все в этот вечер раздражало Дмитрия Павловича, он привыкал к новой начавшейся для него жизни.

Привыкал к тому, что эти две небольшие комнаты его квартиры и будут его жизненным пространством, а мир, простирающийся за окном, посещать он теперь будет только для медленных под зонтом прогулок по ближайшему скверу и

так же медленно, сопровождаемый женой, будет возвращаться, осторожно переступая ступеньки подъезда. И не побежит он вон туда за угол в магазин за бутылкой пива, чтобы расслабиться после работы. И не сядет за руль, чтобы с утра объездить с десятков мест, или завернуть разок в неделю вон к тому дому, где живет очередная любимая женщина и не проведет с ней прекрасный вечер, обозначенный для Валентины как неформальная встреча с коллегами.

Не то что Дмитрий Павлович был половым разбойником или бабником, но были случаи, когда он вдруг невзначай влюблялся или увлекался без памяти! И с кем же этого не бывает?!

Но это проходило. И Дмитрий Павлович возвращался в семейный очаг к любимой дочери, родной жене.

Последняя такая встреча была как раз незадолго до того, как его на скорой помощи увезли в кардиологию. Тревожно глядя после секса на его лицо и слушая гулкие удары сердца, любовница сказала:

– Дим, я боюсь! Вдруг ты умрешь прямо на мне! Что я буду говорить врачам, милиции или твоей жене!?

Дмитрий Павлович испугался и сам. И понял, что эта песня его жизни спета.

И угадал.

В кардиологии он пролежал два месяца и вышел оттуда с электрокардиостимулятором.

И вот под мелкий осенний дождь началась первая неде-

ля его новой, теперь уже никчемной, теперь уже инвалидной жизни.

И он вдруг понял, что мир покинул его.

Первые дни, конечно, были звонки. Много звонили.

– Палыч, как ты там?

– Дмитрий Павлович как ваше здоровье?

– Дим, может помочь чем?

Конечно, коллеги звали, заботились. Уже ясно было, что на работу он никогда не вернется, но:

– «Старик, заходи, не стесняйся!». «Проходя мимо, забеги как-нибудь!»

Зачем заходить? О чем говорить? Где он и где они! Они уже ушли далеко, потому что они идут, а он остался. Куда ему догнать их шаркающей походкой!

Прилипший к стеклу осенний лист раздражал, раздражало звяканье посуды, раздражала пустота этого мира вокруг. Все, что привычно окружало его всю жизнь, отпало. Рядом осталась жена и все. И где-то далеко была дочь, которую он помнил такой, какой помнил, любил, маленькую.

А другой он ее давно не видел. И почему-то он все чаще о ней думал, скучал по ней.

В сущности это был самый родной, самый доверенный ему человек. За которую он стал цепляться, как за спасательный круг своей жизни.

Он заспешил. Подумал, что не успеет сказать ей то важное, что узнал в своей жизни.

Вдруг умрет. А сказать не успеет.

Он здраво рассудил, что поделится всем этим с ней просто в разговоре, он не сможет, даже если бы она и приехала.

Она будет возражать, спорить, а может и вообще не слушать, слушать, но не слышать.

Может она давно изменилась, и голос у нее грубый, и этим грубым голосом она возьмет и скажет что-то типа:

– Папаша! Шо вы мелите?!

И он решил ей писать. Нет, не письма. Просто, в тетрадку. Может быть, если он умрет, или когда он умрет, она обязательно это прочитает.

Да и дни свои, пустые, бессмысленные, надо чем-то занять.

***

«Поймешь ли ты меня, Настенька, не знаю. Наверное, не поймешь. Эти мысли возникают, тогда, когда на всем бегу, ты вдруг остановишься, – то ли от того, что и жизнь внезапно оборвалась, то ли оттого, что кто-то тебя заставил остановиться.

И тогда, ты внезапно понимаешь, что прожил как-то не так.

Но уже прожил. Уже не начнешь сначала. Вот на такой внезапной остановке стою сейчас я. Впереди ничего, позади – все. Видимо мой автобус довез до конечной точки.

И вот что позади: в моих руках, был целый город! И что я сделал?

Не сделал ничего, кроме того, что написал кучу бумаг, город остался таким каким был.

Ну, ладно, думаю. Жизнь то была интересная. Сколько друзей, сколько интересных людей было вокруг меня! И всем я был нужен, всем необходим! Когда вечерами я был дома, мама твоя закрывала дверь в свою комнату, чтобы не слушать постоянных моих телефонных разговоров, переговоров!

– Прошла неделя, как я выписался из больницы. Два месяца прошло с тех пор, как меня туда отвезли.

И тишина. Ни звонка, ни звука! Оказывается, мир может обойтись без меня. А без кого-то не может! Фамилии этих людей ты знаешь. Обидно конечно. Но это жизнь. Пока еще, слава богу, не оконченная. Но уже прожитая»

***

«Знаешь, Муха (не забыла еще, что в детстве я тебя звал «Настюха – муха»), видимо с возрастом я становлюсь мудрее, и соответственно, скучнее!

Лучше бы я становился легкомысленнее и веселее! Ну, так вот, мне кажется, что в конце жизни перепробовав все на свете, человек возвращается к своим истокам. К своим ценностям, которые у него были в начале. Сейчас тебя нет с нами, со мной и мамой. Мне хочется, чтобы мы снова оказались втроем, в нашей маленькой квартире, чтобы вечерами собираться вместе, чтобы вставая ночью в туалет, я, проходя мимо твоей спальни, поправлял на тебе одеяло!

Да, чтобы мы опять жили одной семьей, нет ничего роднее, чем своя семья! Ведь как-то в молодости, по ходу бурно текущей жизни, мы не сильно думали об этом, не замечали, не ощущали эту ценность. Ну, это было так естественно! А как же еще!

Мы с мамой тебя давно не видели. Это мы думали, что жизнь еще долгая, увидимся! На следующий, например, год!

Ладно, не бери в голову!»

***

«Когда ты была маленькая, у тебя было любимое занятие – лечь на траву и рассматривать этот кусочек пространства, который был перед твоими глазами.

– Не помнишь?

На этом кусочке пространства, величиной едва ли в метр была целая жизнь. Ползали, перебирались с травинки на травинку, божьи коровки, еще какие-то паучки. Муравьи по известной только им тропе тащили соломинки. Червяк извиваясь, полз зигзагами. Много чего еще было.

– Пап! – звала ты, они дерутся!

Я подходил, тоже ложился рядом и неожиданно увлекался твоим занятием.

– Они не дерутся, – объяснял я, – это они так играют друг с другом.

– А вот этот, – не унималась ты, – чего он прогоняет жучка с его травинкой?!

– Наверное, это его травинка, А тот жучок ее занял.

– А разве так можно?

– Конечно, нельзя. Наверное, один из них плохой, а другой хороший.

– Давай плохого накажем!

– Как?

Ты задумывалась. Бить, убивать, было категорически нельзя. Слов жучки не понимали. Шекспировский вопрос плавал в воздухе.

Когда я стал бывать в разных организациях, часто приходилось видеть, какие междоусобные войны, страсти и интриги кипят в разных служебных кабинетах. И знаешь, мне всегда помогало воспоминание об этом небольшом нашем кусочке пространства, заросшего травой, где проходила жизнь букашек, жучков, червячков.

Ничего значительного. Но это был мир, в их границах с их войнами, дружбой, романами и он им тоже казался единственным самым важным, самым главным в их жизни. Потом они умирали. Или уползали. На их месте появлялись другие паучки. И все продолжалось. Ты поняла меня, Муха?!

***

«Знаешь, о чем я с горечью жалею? О том, что недолюбил за нашу с тобой совместную жизнь тебя, недолюбил свою маму, недолюблю, очевидно, и твою маму.

Недолюбил женщин, в которых нечаянно и не часто влюблялся.

Причем в той, прошедшей на сегодняшней день жизни,

время от времени об этом вспоминал, и это понимал: но все равно даже в эти минуты озарения, малость помедлив, думал долюблю! Успею! Вот, например, завтра! ...

И вот это завтра наступило, но их уже нет – нет мамы, нет тех женщин, нет тебя! Нет, ты, конечно, есть, но не рядом, далеко. И не дотянуться, чтобы тебя обнять, погладить!

Но успею ли я долюбить, не знаю.

Может, потому, что завтра умру, может потому, что опять махну рукой: ладно, потом! Я же тебе это не в назидание пишу. Так уж люди устроены – все понимают, но не делают!»

***

«Муха, может быть, ты никогда не прочитаешь эти страницы, но задашься вопросом: зачем, мол, он все это писал?!

А я просто разговариваю с тобой. Как будто ты здесь.

О чем же еще мне с тобой разговаривать? О том, что я ел на завтрак? Куда ходил погулять? Какая у нас погода?

Мне кажется, что ты меня поймешь. Мы всегда друг друга понимали. Правда, это было давно. Но, я с той тогдашней тобой и разговариваю.

Я, конечно, не собираюсь умирать. Может, я еще и двадцать лет проживу. Но когда у человека эта железка внутри, прямо с утра начинаешь думать – проживешь ты сегодняшний день, или нет?

Поэтому хочется сказать о чем-то самом важном, о чем даже с глазу на глаз мы бы с тобой не говорили.

Просто оставить для тебя свои мысли, свои размышления.

Ну и вообще, чтобы ты знала, чем жил твой отец.
Буду писать тебе время от времени»

– Дима! – позвала из кухни жена, – ты, что там делаешь?

Пора на прогулку!

Дмитрий Павлович нехотя закрыл тетрадь, засунул ее под белье в шифоньер и спросил:

– Как там погода?

– Дождь идет. Мелкий. Моросит.

Дмитрий Павлович встал, натянул свитер и вышел в коридор.

– Мокро, – покачала головой Валентина, – может, ты резиновые сапоги наденешь?

– Ты бы мне еще калоши купила, – проворчал он.

Дмитрий Павлович надел пальто, взял зонт и вышел на улицу.

Да, в лицо ветер швырял мокрые брызги. Блестели лужи. Улицы были пусты.

Было холодно и неудобно. Но гулять было надо.

Дмитрий Павлович поднял воротник. Раскрыл зонт и, согнувшись под ветром, пошел.

Так он будет гулять этой осенью, потом зимой, весной, летом и снова осенью.

Гулять надо. Может, завтра будет солнце.